

## НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯН В КИЛИКИЙСКОЙ АРМЕНИИ XII—XIII вв.

Г. А. ДМИТРИЕВ (Ленинград)

Сведения о поземельных отношениях, податях и повинностях крестьян, а также об условиях их феодальной зависимости, как правило, отрывочны. Они содержатся в грамотах, фиксировавших дарения, обмен и продажу земель и деревень, армянских и, отчасти, других хрониках, в «Судебнике» Смбата Спарапета и сообщениях церковных писателей той эпохи<sup>1</sup>.

Сообщения хроник по рассматриваемой теме являются отрывочными. Сохранившиеся грамоты, написанные на латинском, не всегда дают адекватное представление о соответствующих особенностях положения армянских крестьян. Язык грамот не передает терминологии среднеармянского языка, а воспроизводит некоторые термины со значительными изменениями и искажениями<sup>2</sup>. Это обстоятельство увеличивает ценность соответствующих глав «Судебника» Смбата Спарапета и сохранившегося перевода «Антиохийских ассиз» на киликийский диалект среднеармянского языка<sup>3</sup>.

В «Судебнике», действовавшем в Киликийской Армении, определены повинности крестьян, рассмотрены отношения крестьянской зависимости. Однако его соответствующие главы как источники, содержащие сведения о крестьянах Киликии, еще недостаточно изучены. Определенный свет на содержание этих глав может пролить уяснение общего состава «Судебника», неразрывно связанного с историей армянского права.

Не касаясь сведений о праве в древней и раннефеодальной Армении, можно отметить, что накануне появления «Судебника» предпринимались попытки кодифицировать право (Давид Алавкаворди и Мхитар Гош, первая половина и конец XII в.). Хотя результаты этих попыток

<sup>1</sup> См. „Le trésor des chartes d'Arménie ou cartulaire...“. T. T. Langlois, Paris, 1863 и другие издания; „Regestaregni Hieresolymitani (1097—1291)“, ed. R. Röhricht, Oeniponti, 1893 (в дальнейшем—RRH); „Armenisches Rechtsbuch...“, Hrsg. von J. Karst, kn. I, Strassburg, 1905; Смбат Спарапет, Судебник (Составление текста, пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А. Галстяна), Ереван, 1958; Г. Г. Микаелян, История Киликийского армянского государства, Ереван, 1952, стр. 228 и сл.

<sup>2</sup> См. выражение „armenice enguage“ „Trésor des chartes d'Arménie“, XVIII, стр. 142.

<sup>3</sup> См. „Assises d'Antioche“, L. Altishan, Venise, 1876 (в дальнейшем—Ass. d'Ant.). См. также „Антиохийские ассизы“ (русский перевод А. А. Паповяна), армянский перевод см. „Բանբեր ժողովնորանի“, 1958, № 4, стр. 334 и сл.

получили признание в армянских общинах различных стран<sup>4</sup>, но все же они отражали феодальные отношения, сложившиеся в самой Великой Армении и, заключая в себе законы армянских царей, местные обычаи, постановления армянских церковных соборов, положения древнееврейского права и пр., воспроизводили по существу право, распространенное в коренной Армении. В это же время в Киликийской Армении делались переводы византийских правовых текстов<sup>5</sup>. В частности, в 1252—1253 гг. Смбатом Спарапетом были переведены на киликийский диалект среднеармянского языка «Антиохийские ассизы»<sup>6</sup>. Будучи приноровленными к антиохийским условиям, эти ассизы не могли в достаточной мере удовлетворить потребности армянских феодалов в писаных законах. Смбат Спарапет в 1265 г. составляет «Судебник», в котором обнаруживаются элементы, традиционные для армянского права. Кроме того, многие положения близки по содержанию соответствующим главам свода Мхитара Гоша. Последнее дало повод исследователям к разноречивым высказываниям по вопросу об отношении составленного Смбатом свода к судебнику Гоша. Хотя установлено, что ряд положений «Судебника» Смбата отсутствует в своде Мхитара Гоша, а некоторые из норм, содержащиеся в последнем, подверглись значительному изменению<sup>7</sup>, все же проблема общности многих положений этих сводов остается для многих исследователей дискуссионной.

Точке зрения на «Судебник» Спарапета как свод законов, имеющий общий со сводом Мхитара Гоша источник, допускающей лишь незначительные заимствования из Гоша<sup>8</sup>, противопоставляется другая точка зрения, согласно которой именно свод законов этого последнего положен в основу «Судебника» Спарапета и расхождения в них объяс-

<sup>4</sup> См. «Միջնադարի Գոշի Գաղափարականագրքի Հայոց», էջմիածին, 1880; А. С. Анасян. Библиография. Армянский судебник Мхитара Гоша, Ереван, 1954, стр. 249 и сл.

<sup>5</sup> См. Р. Дарест. Исследования по истории права, СПб., 1894, стр. 110—111; Л. А. Оганесян. История медицины в Армении, ч. II, Ереван, 1946, стр. 188.

<sup>6</sup> См. армянский перевод «Антиохийских ассиз» в «Բանբեր մատենադարանի», 1958, № 4, стр. 331 и др.; А. Галстян. «Антиохийские ассизы» по переводу Смбата Спарапета, армянского историка XIII в., «Палестинский сборник», 5 (68), 1960, стр. 106 и сл. Некоторые обычаи Антиохийского княжества действовали в Киликийской Армении задолго до перевода «Антиохийских ассиз» Смбатом Спарапетом. См. «Chronique d'Arménie par J. Dardel», XIII; Recueil des historiens des croisades; (в дальнейшем—RdHdC), «Documents arméniens» (в дальнейшем—DA), т. II, Paris, 1906, стр. 10.

<sup>7</sup> См. J. Köhler und L. Venger, Allgemeine Rechtsgeschichte, ч. I, Leipzig, Berlin, 1914, стр. 136; Խ. Սամուելյան, Հին հայ իրավունքի պատմություն, т. I, Երևան, 1939, стр. 90; Л. А. Оганесян. История медицины в Армении, ч. II, стр. 202—203; Է. Պրվազյան, Միջնադարի Գոշի և Սմբատ Սպարապետի գաղափարականագրքերի անհամընդունելիությունը, «Բանբեր մատենադարանի», 5, 1961, стр. 120 и сл. См. также работы А. Галстяна. Ранее некоторые исследователи (В. Бастамянц, J. Köhler и др.) видели в «Судебнике» Спарапета всего лишь перевод Гоша.

<sup>8</sup> См. Խ. Սամուելյան, Սմբատ Գունդուտարի «Գաղափարականագրքի» մասին, ՀՍՍՀ ԳԱ «Տեղեկագիր», № 2, 1952, стр. 89 и сл.; его же, Предисловие в кн.: Смбат Спарапет, Судебник, стр. XIX и сл.; его же, Սմբատ Սպարապետ. Որոշանք, 1961, стр. 107 и сл.

нимы лишь желанием приспособить «Армянский судебник» к киликийским условиям<sup>9</sup>.

Действительно, отклонения от канонического текста Мхитара Гоша обуславливались местными особенностями феодальных отношений в Киликийской Армении. Отражая именно эти отношения, «Судебник» Спарапета в отдельных случаях определяет их византийскими и западноевропейскими терминами. Положения судебного о крестьянах не могут быть рассмотрены без учета этих особенностей. Приобретает значение также сравнительный анализ соответствующих глав «Армянского судебного» Гоша, как и сопоставление сведений, содержащихся в своде Смбата Спарапета, с данными грамот и хроник и проверка их по последним.

\* \* \*

Историки, изучавшие поземельные отношения в Киликийской Армении<sup>10</sup>, не акцентировали внимание на положение крестьян, нередко отрицая крепостную зависимость армянских крестьян Киликии (в отличие от крестьян-греков и сирийцев, закрепощенных уже в византийский период)<sup>11</sup>, имея в качестве основания для такого утверждения весьма общее сообщение Вильбранда Ольденбургского по этому поводу<sup>12</sup>. Г. Г. Микаелян, исследование которого представляло сдвиг в изучении этой проблемы, отклонения «Судебника» Смбата от свода Мхитара Гоша связывал с особенностями феодальных отношений в Киликийской Армении<sup>13</sup>; он же подчеркивал важность сопоставления сходных положений этих сводов о крестьянах, дал интерпретацию встречающегося в латинской грамоте 1236 г. выражения «armenice enbuabue» (как «армянская пятна») <sup>14</sup> и т. д. Вместе с тем этот историк использовал всего лишь одну, отмеченную выше грамоту, хотя уже В. Ланглуа использовал в своей работе около десятка хрисовулов, писем и других документов, содержащих сведения о крестьянах. Кроме того, Г. Г. Микаелян не определил с достаточной ясностью понятие крепостной зависимости крестьян<sup>15</sup>, а сопоставляя данные судебных Спарапета и Го-

<sup>9</sup> См. *Գրիգորիան*, указ. работа, стр. 117 и далее. Следует добавить, в частности, что эта точка зрения привела в результате текстологических исследований к выводу, что из имеющихся редакций свода Мхитара Гоша Смбат Спарапет использовал третью, составленную в начале XIII в.

<sup>10</sup> См. напр., V. Langlois, *Essai historique et critique sur la constitution sociale et politique de l'Arménie...*, SPb., 1860, стр. 60 и сл.; eadem, *Introduction au Trésor des chartes d'Arménie...*, стр. 33; J. Karst, *Kommentar, Armenisches Rechtssbuch*, кн. II, Strassburg, 1905, стр. 247—249 и сл.; Ch. Pasdermadjian, *Histoire de l'Arménie...*, Paris, 1964, стр. 220 и сл.

<sup>11</sup> См. Ch. Pasdermadjian, указ. работа, стр. 231.

<sup>12</sup> См. *Wilbrandi de Oldenborg peregrinatio*, I, XVII, *Peregrinatores medii aevi quatuor*. Ed. I. C. M. Laurent, Lipsiae, 1864, стр. 174.

<sup>13</sup> См. Г. Г. Микаелян. *История Киликийского армянского государства*, стр. 263 и сл.

<sup>14</sup> См. там же, стр. 276 и сл., а также стр. 281.

<sup>15</sup> О «полусвободных крестьянах» на землях королевского домена он говорит в связи с грамотой о передаче (в 1236 г.) королевских крестьян тевтонскому ордену и,

ша, использовал только публиковавшийся текст свода последнего<sup>16</sup>. С 1952 г. изучение списков Судебника Мхитара и его различных редакций продвинулось далеко вперед. В частности, были введены в научный оборот новые списки и другие источники, позволившие более широко изучить положение крестьян в свете статей «Судебника» (закрепление их крепостной зависимости, право перехода крестьян на другое место, их личную свободу)<sup>17</sup>, установить различия в условиях феодальной зависимости крестьян Великой и Киликийской Армении.

\* \* \*

Как известно, переселявшиеся в Киликию армяне оказались в общей системе византийского феодализма, который здесь, в Малой Азии, развивался особенно интенсивно<sup>18</sup>. С освобождением армянских княжеств от византийского господства феодализм Киликийской Армении развивается уже на сложившихся социально-экономических основаниях<sup>19</sup>, хотя определенные элементы поземельных и других отношений византийского периода продолжают в нем сохраняться.

Феодальные отношения в этой стране еще более усложнились с вторжением в Малую Азию крестоносцев и их обоснованием в северной Сирии и Палестине. Владения армянских князей на севере Сирии были подчинены завоевателям. В Киликию проникли многие феодалы-франки, составлявшие определенную часть ее господствующего класса. Ордена тамплиеров и госпитальеров и тевтонский орден приобретали владения на армянской земле.

Между Киликийским армянским государством и Антиохийским княжеством поддерживались тесные связи, принимавшие формы как мирных взаимоотношений (иногда даже объединений), так и вооруженных столкновений. В результате под воздействием западных феодальных влияний поземельные отношения в армянской Киликии подверглись определенной деформации.

Ордена требовали сохранения своих прав на приобретенные владения. В этом их поддерживали не только латинское духовенство северной Сирии и Палестины, но и папская курия. В источниках отразились неоднократно повторявшиеся столкновения армянского царя и папских

следовательно, свидетельствует как раз об их крепостной зависимости. См. там же, стр. 277, 281.

<sup>16</sup> См. там же, стр. 276—280.

<sup>17</sup> Б. М. А р у т ю н я н. Социально-экономическое положение крестьян в Армении XII в. по «Судебнику» Мхитара Гоша. «Вопросы истории», 1952, № 8, стр. 55.

<sup>18</sup> См. Ф. И. У с п е н с к и й. История Византийской империи, т. III, М.—Л., 1948, стр. 379; К. А. О с и п о в а. Развитие феодальной собственности на землю и закрепощение крестьянства в Византии X в. «Византийский временник», X, 1956, стр. 68; А. П. К а ж д а н. Деревня и город в Византии IX—X вв., М., 1960, стр. 68 и сл.

<sup>19</sup> Об отстаивании армянами своих исторических традиций в борьбе с византийскими порядками и с византийцами Ж. Дардель писал: „Et ainsi fut hayne mortelle entre les Arméniens et les Grecs et encore est“ („Chronique d'Arménie par Jean Dar-del“, V, стр. 5; XII, стр. 10).

этимии силами<sup>20</sup>. Армянские правители имели за собой право ссылаться на традиции древней армянской истории<sup>21</sup>, и не случайно, что в XIII в. они часто отчуждали от католической церкви предоставленные ей земли<sup>22</sup>. Уступки же свидетельствовали о том, что они в некоторой степени приспособливали свою политику к требованиям орденов и латинского духовенства. В свою очередь ордена стремились добиться, приблизительно, того же положения, какое они имели в Антиохийском княжестве, Иерусалимском королевстве и в других местах. Но утверждая свои владения в Киликийской Армении, они подвергали определенным изменениям также и сложившиеся в ней распорядки землевладения и поземельных отношений, в использовании речных, озерных и других вод. В древней истории Великой Армении эти порядки определялись условиями общинного водопользования, строительства ирригационных сооружений и царской деспотией<sup>23</sup>. Мхитар Гош связывал появление феодальной зависимости с нехваткой не только земли, но и воды. Он писал как о правах пользования водой всеми нуждающимися в ней<sup>24</sup>, так и о принадлежности речных и других вод определенным владениям и преимущественных правах на них владельцев этих земель<sup>25</sup>.

«Судебник» Смбата Спарапета воспроизводил более устойчивые общинные традиции в водопользовании. По этому судебнику, каждый имел право отводить речную воду на свою землю при помощи каналов и через любые поля как с целью орошения, так и для других потребностей. «Ибо эта вода,— обосновывает Смбат Спарапет данное право,— не принадлежит никому иному, кроме того, кто ее отвел к своим собст-

<sup>20</sup> Можно указать, например, на длительную борьбу с тамплиерами за замок Гастон с прилегающей территорией (см. RCH. № 765, стр. 204; № 817, стр. 218—219; № 857, стр. 227; W. de Oldenburg peregrinatio: „In culus possessione templarii conquerrantur se spoliari“, I, XV, стр. 174).

<sup>21</sup> Խ. Մամուկեղյան, Հին հայ իրավունքի պատմություն, стр. 157, 164, 173, 177 и сл.

<sup>22</sup> RCH, № 862, стр. 231. Brocardus, Directorium ad passabium faciendum, II. I. RdHdC. DA. т. II, стр. 488—489.

<sup>23</sup> Об орошении полей и использовании ирригационных сооружений в государстве Урарту см.: Б. Б. Piotrowskij. Ванское царство, М., 1959, стр. 137 и сл.; К. А. Софроненко. Общественно-политический строй Урарту, М., 1961, стр. 21 и сл.; 32 и сл.; Н. В. Арутюнян. Земледелие и скотоводство Урарту, Ереван, 1964, стр. 16 и сл., 53 и сл. Об обычаях, регулировавших в феодальную эпоху пользование водами при орошении полей см.: С. А. Егназаров. Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. I, Казань, 1889, стр. 245 и сл.; его же, О водовладении в Закавказском крае, Киев, 1896, стр. 11 и сл.; его же, Исследования по истории армянского права..., вып. I, Киев, 1919, стр. IX и др.; Խ. Մամուկեղյան, Հին հայ իրավունքի պատմություն, стр. 197 и сл.

<sup>24</sup> «Միմիթառայ Գոշի Դատաստանագիրք Հայոց», Բ, Ա, стр. 315. Сведения, содержащиеся в надписях, подтверждают положения судебногоника. Так, спор о воде между монастырями Текорским и Хецгенским (1036 г.) закончился тем, что за ними было признано право поочередного использования спорных вод (см. «Армянские надписи в Карсе, Ани и окрестностях последнего». Перевод И. О. Эмина, М., 1881, № 186, стр. 82—83. С. А. Егназаров. Исследования по истории армянского права..., стр. VIII—IX).

<sup>25</sup> «Միմիթառայ Գոշի Դատաստանագիրք Հայոց», Բ, Ա, стр. 320, Բ, Ժ, стр. 326, 327.

венным владениям»<sup>26</sup>. Наряду с этим, вслед за Мхитарем Гошем, Смоат говорит о выплате одной десятой части улова местному владельцу в случае рыбной ловли в чужих владениях. Таким образом, и этот юрист отмечает принадлежность каких-то водоемов местным землевладельцам.

Грамоты также свидетельствуют о распаде традиционных порядков водопользования. Так, в 1212 г. Левон II предоставил рыцарям тевтонского ордена новые владения. При этом он передал им «деревни с землями и принадлежащим к (ним), с обозначенными частями, с водами и мельницами и со всеми относящимися к ним правами»<sup>27</sup>. В следующем году Иннокентий III подтвердил это дарение, отметив, что деревни передаются «с землями, водами, подразделениями (*divisionibus*), мельницами, правами и (всеми), к ним принадлежащими»<sup>28</sup>. Левон III продал госпитальерам местечко Ванер «с деревнями, пустошами, землями обработанными и необработанными, с водами, лесами, пастбищами и всем другим, относящимся к ним»<sup>29</sup>. В 1215 г. госпитальеры получили подтверждение своих прав на город Жибель с округой. Вместе с этим подтверждалась принадлежность ордену деревень, пустошей, равнин, гор, вод, пастбищ, лесов и пр.<sup>30</sup> В 1236 г. тевтонский орден получил новые владения в Киликийской Армении. В их составе значились земля, вода, пустоши, горы, холмы, мельницы и пр.<sup>31</sup> Таким образом, по приведенным свидетельствам грамот, воды в Киликии передавались вместе с обрабатывавшейся землей, с другими земельными угодьями, мельницами и прочими принадлежностями феодальных держаний, на которые распространялись владельческие права феодалов.

Передача вод, входивших в феодальное владение, было обычным явлением для феодальных отношений, установившихся как в Западной Европе, так и в феодальных колониях на Востоке. Но включение вод в состав феодальных владений ослабляло то положение «Судебника» Смбата Спарапета, по которому вода принадлежала отводившему ее лицу. Проникавшие в Киликию западные по своему происхождению обычаи противоречили армянским законам и, по-видимому, решали вопрос преимущественно в пользу орденов и латинских феодалов. Таким образом, орден и бароны-франки разрушали традиционные условия пользования водой и одновременно подрывали возможности использования ирригации и развития сельского хозяйства страны.

Латинское проникновение в армянскую Киликию не только ограничивало права населения в использовании проточных и других вод, но и вносило изменение в пользование общинными угодьями. Крестьянская община в Великой Армении, с одной стороны, претерпевала определен-

<sup>26</sup> „Armenisches Rechtsbuch“, В. I, §, стр. 26; Смбат Спарамет, Судебник 3, стр. 16.

<sup>27</sup> „Le trésor des chartes d'Arménie...“, VI, стр. 120.

<sup>28</sup> Там же, VII, стр. 121.

<sup>29</sup> Там же, VIII, стр. 122.

<sup>30</sup> См. там же, XIV, стр. 135.

<sup>31</sup> См. там же, XVIII, стр. 141.

ное разложение, с другой—упрочивалась совместным использованием оросительных вод, продолжая сохраняться вплоть до нового времени<sup>32</sup>.

В Киликийской Армении, по «Судебнику» Смбата Спарапета, крестьяне могли собирать плоды дикорастущих деревьев, пользоваться строительным лесом, пастбищами и покосами, если они не входили в феодальные владения: в противном же случае владельцу местности поступала соответственно 1/10 часть собранных плодов, приплода скота с пастбищ, заготовленного сена и пр.<sup>33</sup> Ордена получали землю, воды, пастбища и пр. со всеми правами на них, поэтому можно предполагать, что новые землевладельцы лишили крестьян возможности использовать пастбища, сенокосы и леса даже на тех условиях, которые им предоставляли армянские феодалы. Тем самым ускорялся процесс распада общинных связей и пережитков древних форм государственных прав на землю, которые еще сохранялись, а также тех форм восточного феодализма и восточной феодальной государственности, которые сложились к тому времени.

Поземельные отношения в Киликийской Армении, как и существовавший в этом районе феодализм в целом, являлись необыкновенно сложными по своему происхождению. Процесс феодализации здесь развивался на армянской и в определенной степени на византийской основе. В своеобразно формировавшийся феодализм Киликии проникал целый ряд существенных элементов западноевропейского феодализма<sup>34</sup>, а позднее он испытал определенные влияния восточного—турецкого и монгольского<sup>35</sup>. Сплетение столь разнообразных влияний накладывало оп-

<sup>32</sup> «Մխիթարայ Գոշի Դատաստանագիրքը Հայոց», Բ, Ժ, стр. 326, 327; С. А. Егн а з а р о в. Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. I. Сельская община; е г о ж е, О водовладении в Закавказском крае, стр. 332 и сл.

<sup>33</sup> «Armenisches Rechtsbuch», кн. I, § 3, стр. 26; С м б а т С п а р а п е т. Судебник, 3, стр. 16—17.

<sup>34</sup> Собрание местных феодалов играло определенную роль в решении вопросов государственной жизни, сближаясь в этом отношении со всеильными сенъериальными судами или сеймами латинских колоний (см. «Nerses de Lampron, Lettre adressée au roi Leon II», RdHdC, DA, т. I, стр. 583. См. также стр. 634, 647; «Extrait de l'histoire d'Arménie de Culragos de Kantzag», там же, стр. 423). Высшая вассальная зависимость (ligesse)—характерное явление западноевропейского феодализма—также проникла в Киликийскую Армению (см. «Nerses de Lampron, Lettre adressée au roi Leon II», стр. 598; «Armenisches Rechtsbuch», § 70, стр. 104; С м б а т С п а р а п е т. Судебник, 76, стр. 82). О ней идет речь также в версии «Антиохийских ассиз», действовавшей в Киликийской Армении и опубликованной А. Кюрдяном (см. Հ ա Ր Ա Ք Յ Ո Ւ Ն Ի Դ յ Ո Ւ Ր Ո Ւ Մ Ո Ր ԻՆՈՒԿ ՄԵ «Անտիք Անտիոքայ» օրինագրերն, «Բազմազեպ», 1956, стр. 17 и сл.). См. также Г. А. Дмитриев. Предоставление феода сеньеру на сохранение по сводам феодального законодательства на завоеванном крестоносцами Востоке, «Палестинский сборник», 15 (78), 1966, стр. 155 и сл.

<sup>35</sup> См. N. Jorga, Brève histoire de la Petite Arménie, стр. 124. См. также Daniel de Thaurisio, Responsio ad errores impositos hermenis, CV, RdHdC, DA, т. II, стр. 640. В частности, по поводу многоженства, встречавшегося среди армян, Даниель делает следующее замечание: «Habere plures uxores simul. est lex Sarracenis et non Christianorum». О вассальной зависимости Киликийской Армении от монголов и налоговых обложениях см. ниже.

ределенный отпечаток, в какой-то мере обуславливало дальнейшее развитие феодальной Киликийской Армении, проявляясь в особенностях феодальной ренты и условиях крестьянской зависимости.

\* \* \*

О податях и повинностях крестьян Киликийской Армении наиболее подробные сведения содержатся в «Судебнике» Смбата Спарапета. В этой связи прежде всего встает вопрос об общем характере податного обложения.

Согласно «Армянскому судебнику» Мхитара Гоша, налоги в Великой Армении собирали царь и князья<sup>36</sup>. В XII в., в условиях господства на Востоке феодальных отношений, поступавшие царю налоги представляли собой в то же время и феодальную ренту; следовательно, налог и феодальная рента совпадали. Князья, будучи феодальными владельцами, присваивали феодальную ренту в собственном смысле.

В Киликийской Армении, по «Судебнику» Смбата Спарапета, подати «собирают с областей пароны»<sup>37</sup>. Данная формулировка свидетельствует о господстве в ней феодальной ренты, выступающей в ее собственной форме. Совмещавшиеся в Великой Армении налог-рента и феодальная рента вытесняются феодальной рентой как таковой.

По тому же своду, подати в Киликии устанавливались законом, и феодалы не могли их увеличивать без ведома царя. Ограничение величины податей законом и недопущение их увеличения без дозволения монарха—суть элементы государственного налогообложения. Другими словами, в феодальной ренте, господствовавшей в Киликийской Армении, сохранялись определенные элементы государственного налогообложения.

Расхождения, которые имеются у Гоша и Спарапета в отношении ряда податей и повинностей крестьян, дают основания предполагать о видоизменении податей и повинностей в армянской Киликии в сравнении с Великой Арменией.

Оба судебника фиксируют однодневную барщину в неделю<sup>38</sup>, но свод Спарапета сверх того обязывает на лошадях, мулах и ослах под-

<sup>36</sup> «Իսկ զհարկս զազառաց եւ ազգաց Թագաւորք եւ իշխանք արդարութեամբ առնեն» («Մխիթարայ Գոշի Դատաստանագիրք հայոց», Բ, Ա, стр. 314).

<sup>37</sup> «Դաւառաց հարկն սահմանողն, որ սահմանած է առնուին պարոնայրն» («Armenisches Rechtsbuch», кн. I, § 1, стр. 22; Смбат Спарапета, Судебник, I, стр. 13). За потраву, избиение или убийство животного, совершенное пастухом или крестьянином, полагалось возмещение ущерба. Кроме того, пятина (рассчитывавшаяся по-видимому, по величине возмещения) должна была поступать в казну. Однако потерпевшим при потраве крестьянских полей считался парон, который получал и пятину—штраф, право на который юристы по традиции приписывали казне (см. «Armenisches Rechtsbuch», кн. I, § 170, стр. 211; Смбат Спарапета, Судебник, 198, стр. 167—168).

<sup>38</sup> «Մխիթարայ Գոշի Դատաստանագիրք հայոց», Բ, Ա, стр. 315; «Armenisches Rechtsbuch», кн. I, § 1, стр. 22; Смбат Спарапета, Судебник, I, стр. 13.

возить по праздникам—12 раз в течение года—хлеб и соль в замок парона<sup>39</sup>. Возможно, что в данном случае расхождение со сводом Гоша отражает некоторое увеличение барщинных работ в Киликии<sup>40</sup>. Последнее могло быть следствием спроса на хлеб, предъявляемого нуждавшимися в нем областями плодородным районам.

В «Армянском судебнике» Мхитара Гоша говорится о приношениях, делаемых по праздникам<sup>41</sup>, о чем киликийский судебник не сообщает. Вполне возможно, что данное различие свидетельствует о сокращении продуктовой ренты в Киликийской Армении. Вместе с тем если по своду Мхитара Гоша пятина взималась с урожая, то по «Судебнику», действовавшему в Киликии, она накладывалась на все доходы податного населения<sup>42</sup>. Последнее обстоятельство говорит о возрастании значения денежных доходов и, возможно, денежной ренты в податном обложении в Киликийской Армении. Такое изменение было неизбежным в условиях более развитых товарно-денежных отношений.

Смбат Спарапет отмечает, что нельзя взимать никаких других побочных, дополнительных или незаконных поборов (*շեքուշեք, Խքուշեք*)<sup>43</sup>. Это предупреждение можно понимать не только как фиксацию определенной особенности податного обложения, но и как попытку воспрепятствовать или противодействовать практике введения новых поборов или увеличения уже существующих.

Грамота, выданная в 1236 г. Гетумом I тевтонскому ордену, дает возможность сопоставить положения свода законов Смбата Спарапета со сведениями о крестьянских податях по данным конкретной деловой практики. В этой грамоте, фиксировавшей передачу королем крестьян тевтонскому ордену, говорилось: «Этих крестьян братья хотят перевести в свои владения (in sua terre) и (и хотят, чтобы они) отдавали, как раньше было установлено, когда они отдавали половину доходов, которые называются армянской пятиной (medietatem redditum qui dicuntur armenice enguague) сеньеру Харонии и пр.»<sup>44</sup>. Но половина армянской пятины (*հինգի*), зафиксированная и в «Судебнике» Смбата, составляла десятину, которой, согласно этому своду, облагались поля и другие угодья. Таким образом, данные грамоты вполне соответствуют положению судебного о десятине с полей.

<sup>39</sup> См. „Armenisches Rechtsbuch“, кн. 1, § 1, стр. 22—23; Смбат Спарапет, Судебник, 1, стр. 13. Сравни. «Մխիթարայ Գոշի Դատաստանագիրք հայոց», Բ, Ա, стр. 314—315.

<sup>40</sup> Саргис Благодатный писал о тяжести барщины еще в XII в., о чем см. Г. Г. Микаелян. Указ. работа, стр. 209.

<sup>41</sup> См. «Մխիթարայ Գոշի Դատաստանագիրք հայոց», Բ, Ա, стр. 314—315.

<sup>42</sup> См. там же. Ср. «Armenisches Rechtsbuch», кн. I, § 1, стр. 22; Смбат Спарапет. Судебник, 1, стр. 13.

<sup>43</sup> См. «Armenisches Rechtsbuch», кн. I, § 1, стр. 23; Смбат Спарапет. Судебник, 1, стр. 13.

<sup>44</sup> „Le trésor des chartes d'Arménie“, XVIII, стр. 142.

При всем этом подати и повинности крестьян Киликии в XIII—XIV в. могли повышаться хотя бы в силу развития товарно-денежных отношений в восточной части Средиземноморского бассейна<sup>45</sup>.

Источники, таким образом, свидетельствуют о значительной роли традиций налого-податного обложения Великой Армении в армянской Киликии. Вместе с тем «Судебник» Смбата Спарапета отражает некоторый рост отработочной ренты, связанный, по-видимому, с особенностями спроса на хлеб в этом районе, вероятное уменьшение ренты продуктами и какое-то увеличение податей в денежной форме, неизбежное в условиях более развитых товарно-денежных отношений в районе стыка морских и сухопутных дорог.

Налого-податное обложение в Киликийской Армении значительно изменилось в период монгольского господства на Ближнем Востоке. Армянские хроники сообщают о том, что царь Киликийской Армении уже в середине 40-х годов получил от монголов грамоту, а Смбат Спарапет, отправившийся к Гуюк-хану (1248 г.), — ярлык и золотые пайзы. Предоставление прав на княжение и выдача ярлыка обычно сопровождалось наложением дани<sup>46</sup>. Об обложении Киликийской Армении налогом монголами упоминается в хронике Григора Акнерци<sup>47</sup>, о нем говорит Рубрук в описании своего путешествия<sup>48</sup>. Хамдаллах Казвини приводит и величину дани, наложенной монголами на армянскую Киликию: в первой половине XIV в. в казну султана Ирана поступало 30 тыс. динаров ежегодно<sup>49</sup>.

При всем этом налоги, наложенные монголами на это армянское государство, в силу определенного стечения политических обстоятельств, по всей очевидности, оказались меньше податей, выплачиваемых другими областями монгольского государства. По договору Гетума I с Мангу-ханом, положения которого воспроизвели Гетум в своем «Вертограде историй стран Востока» и Дардель в «Армянской истории», христианская церковь получила привилегию, освобождавшую ее от податей и повинностей, и это распространялось одинаково на белое и на черное духовенство. Хан соглашался признать владениями армянского короля те

<sup>45</sup> См. Brocardus, Directorium ad possagium faciendum, II, III, стр. 506—509. В этот период возросла барщина на Кипре („Document relatif au service militaire“, II, Assises de Jerusalem, т. II, Paris, 1843, стр. 430; N. Jorga, Le village byzantin Etudes byzantines, II, Bucarest, 1940, стр. 396), на Корфу („Régestes des délibérations du sénat de Venise“, II, Paris, La Haye, 1959, № 1559, стр. 131) и в других районах. В Киликии порт Каламелла получил свое название от плантаций сахарного тростника, занимавших всю его область („Trésor des chartes d'Arménie...“, IX, стр. 124; RRH, № 869, стр. 235). Естественным последствием увеличения площадей под этими плантациями могло быть увеличение барщины.

<sup>46</sup> См. Б. Греков, А. Якубовский. Золотая орда, М—Л., 1950, стр. 221 и сл., 236.

<sup>47</sup> «Միջնորդի Սրբազան Գրողի թիւն աղբիւն նկարագր», Ս. Պետերբուրգ, 1870, стр. 17.

<sup>48</sup> Об этом см. ниже.

<sup>49</sup> См. „The Geographical Part of the Nuzhat-al-qulub composed by Hamd“. Allah Mustawfi of Qazwin ed. by Le Strange, стр. 100.

земли, которые последний захватит у мусульман<sup>50</sup>. При этом, по одной из версий хроники Гетума, хан предоставил Гетуму I право держать эти земли свободно и без помех и пожелал ему большего (*et voillons tant plus*)<sup>51</sup>. Рубрук, согласно его «Путешествию в восточные страны», по пути через Киликийскую Армению узнал от отца армянского короля (получившего сведения от посланцев Гетума), что, согласно обещанию хана, будут уменьшены налоги и монгольские послы не будут входить в границы королевства<sup>52</sup>. И то и другое было вполне возможно, так как политические цели Гетума I и хана Мангу имели определенные точки соприкосновения<sup>53</sup>.

Вводя налоги в армянской Киликии, в которой господствовала феодальная рента, монголы как бы возрождали прошлую историю Великой Армении. Они вместе с тем вносили определенные восточные элементы в своеобразный и сложный по своему строению феодализм Киликийской Армении. Однако монгольская система налогообложения держалась в армянской Киликии на насилии, а существовавшие в ней социально-экономические отношения находились в разрыве с нею и обуславливали совершенно иные формы податного обложения. Все это еще более усложняло феодальные отношения в Киликии, внося в них новые противоречия.

\* \* \*

Изучение условий крестьянской зависимости в Киликийской Армении предполагает уяснение некоторых особенностей положения крестьянства в общих рамках западноевропейского, византийского и восточного феодализма. В связи с этим возникал вопрос, могут ли сведения о дарениях и продаже крестьян и населенных крестьянами деревень служить свидетельством крепостной зависимости крестьян Киликии.

В общих условиях западноевропейского феодализма дарение, продажа или какое-либо другое отчуждение отдельных крестьян или деревень с живущими в них крестьянами является бесспорным свидетельством отсутствия у крестьян личной свободы и их крепостной зависимости. В Византии император мог передать феодалу (являвшемуся в то же время имперским чиновником) определенную область для сбора с нее

<sup>50</sup> См. Hayton, *La flor des estoires de la terre d'Orient*, III, XVII, RdHdC, DA, т. II, стр. 166; „Chronique d'Arménie par Jean Dardel“, XIV, стр. 11—12; Ա. Գալստյան, *Սմբատ Սպարապետ*, стр. 92 и сл.

<sup>51</sup> См. XVII главу III книги по лондонской рукописи (RdHdC, DA, стр. 167).

<sup>52</sup> „...Quod Mangucham multum alleviaverat ei tributum...“ „Itinerarium fratris Villelmi de Rubruk ...ad partes orientales, Recueil de voyages et de mémoires“, т. IV, Paris, 1839, стр. 393).

<sup>53</sup> Ա. Գալստյան, *Մոնղոլական շրջանի հայ դիվանագիտության պատմությունը, 1445*, его же, *Հայ-մոնղոլական առաջին բանակցությունները*, „Историко-филологический журнал“, 1964, № 1, стр. 91 и сл. По сообщению Киракоса Гандзакци, Гетум I получил от Мангу-хана ярлык, обеспечивавший его княжество от притеснений. См. Г. Г. Микаелян. Цит. работа, стр. 306.

налогов, поступавших до того времени в государственную казну. На Ближнем Востоке феодалы нередко получали владения как чиновники феодального государства, представляемого в его высшей инстанции восточным монархом. Передачи подобного рода свидетельствовали о зависимости населения этих владений и всей передаваемой территории от известного государственного образования, но отнюдь не о крепостной зависимости крестьян от феодала.

В Великой Армении времен сильной царской власти цари назначали танутеров крепостей и прилегающих к ним территорий<sup>54</sup>. В Киликийской Армении король, нередко лишавший своих вассалов земель, мог послать в их владения своих баглы, которые осуществляли в них какие-то контрольные функции<sup>55</sup>. Контрольные функции баглы еще не говорят о крепостном состоянии крестьян, тогда как продажа и дарение крестьян свидетельствует о нем. На землях, принадлежавших орденам, крестьяне были крепостными, как и в их сирийских или западноевропейских владениях.

Сохранившиеся грамоты свидетельствуют о многих передачах и дарениях крестьян и крестьянских деревень в Киликии (например, грамота, выданная Левонем III тевтонскому ордену и фиксирующая передачу ряда владений, говорит об уступке замка Амада (*Ամադ*) и прилегающих к нему деревень (1212 г.), получении тевтонским орденом города Харония с округой и двадцатью деревнями (1213 г.) и т. п.<sup>56</sup>

Увести крестьян за пределы владений могли, по-видимому, либо державшие прежде эти земли высшие вассалы короля, ставшие вассалами ордена, либо владельцы крепостных, не имеющие земли на передаваемой территории. Сами рыцари ордена, по всей очевидности, также могли переводить крестьян из своих владений в другие места.

Госпитальерам в 1210 г. был передан город Жибель, а в 1215 г. они получили подтверждение этого дарения «со всеми доменами, феодами, с деревнями и пустошами, с равнинами и горами...» и т. д.<sup>57</sup> В 1233 г. Константин, сеньер Лампрона (*Լամպրոնի*), передал им деревню Гаувайра (*Gauvaïra*), находившуюся в его владениях<sup>58</sup>.

Крестьяне и крестьянские деревни продавались и отдавались в залог. Так, в 1214 г. Левон II продал госпитальерам селение Венерий

<sup>54</sup> И. Джавахов. Государственный строй древней Грузии и древней Армении, т. I, СПб., 1905, стр. 115 и сл.

<sup>55</sup> „Trésor des chartes d'Arménie“, VIII, стр. 122; RRH, № 870, стр. 235; N. Jorga, *Erève histoire de la Petite Arménie*, стр. 111.

<sup>56</sup> „Trésor des chartes d'Arménie“, VI, стр. 117—120; RdHdC, № 859, стр. 229—230. Вильбранд Ольденбургский сообщает следующее в связи с посещением замка Адамодана: „Qued dominus rex, qui semper Alemannos dilexit, eis pro remedio anime sue cum uillis attinentibus donzuit“ („Wilbrandi de Oldenborg peregrinatio“, I, XXIV, стр. 179).

<sup>57</sup> См. „Trésor des chartes d'Arménie“, XIV, стр. 135—136; RRH, № 845, стр. 226, № 878, стр. 237.

<sup>58</sup> „Trésor des chartes d'Arménie“, XVII, стр. 140; RRH, № 1048, стр. 274.

(Vanegium) со всеми относившимися к нему деревнями и всем к ним принадлежащим. Левон получил от госпитальеров 10 000 золотых византов, в которых он нуждался в связи с браком своей дочери Естемии с иерусалимским королем Иоанном Бриенским<sup>59</sup>. В том же году Левон II заложил госпитальерам за 20 000 золотых византов область Тшакер (*ՏրժԿր*) со всеми деревнями и доходами, которые получали с них король и его вассалы. Отдача в залог деревень и земли с определенными правами на них сопровождалась рядом условий. При возвращении королем в двухлетний срок взятой у ордена суммы залогодержатель возвращал полученные им земли и деревни, если же сроки королем оттягивались, орден получал право удерживать весь залог до возмещения данной ему под залог суммы. После погашения всей суммы, предоставленной под залог, земли, деревни и пр. возвращались королю или его наследнику<sup>60</sup>.

Таким образом, рассмотренные грамоты свидетельствуют о том, что крестьяне в армянской Киликии были лишены личной свободы и были крепостными короля, его вассалов, армянских паронов, высших вассалов (которыми, возможно, нередко являлись бароны-фракции), орденов и других сеньеров. Крепостные при этом могли быть оторваны от занимаемой ими земли и переведены в другие места.

Вопросы феодальной зависимости крестьян рассматривались в судебныхниках Мхитара Гоша и Смбата Спарапета. Ряд списков первого из них не содержит сведений о лишении крестьян права перехода и личной свободы, но подтверждает их сохранение<sup>61</sup>. По другим спискам этого судебногоника, бежавший крестьянин мог быть возвращен на прежнее место в течение всей своей жизни, но его дети, родившиеся за пределами владений господина, уже не могли быть возвращены<sup>62</sup>. Таким образом, крестьянин был лишен личной свободы и закрепощен, но это не распространялось на его детей, и, следовательно, крепостничество распространялось только на одно поколение бежавших крестьян. В Великой Армении крепостная зависимость, очевидно, совмещалась с сохранением за феодально-зависимыми крестьянами личной свободы.

«Судебник» Смбата Спарапета воспроизводит как раз ту версию законника Мхитара Гоша, которая фиксирует отношения крепостной зависимости. Крестьянин, которого Смбат называет парикос (*պարիկոս*), в случае побега подлежал возвращению прежнему владельцу, а дети этого крестьянина, умершего за пределами оставленного владения, не могли быть возвращены силой<sup>63</sup>. Феодальным отношением в Киликий-

<sup>59</sup> „Trésor des chartes d'Arménie“, VIII, стр. 122—123; RRH, № 870, стр. 235.

<sup>60</sup> „Trésor des chartes d'Arménie“, IX, стр. 124—125; RRH, № 869, стр. 234—235.

<sup>61</sup> См. Б. М. Арутюнян. Социально-экономическое положение крестьян в Армении..., стр. 55.

<sup>62</sup> См. «Մխիթարայ Գոշի Դատաստանագիրք հայոց», Բ, Դ, стр. 320—321; Б. М. Арутюнян. Указ. работа, стр. 53—55.

<sup>63</sup> См. «Armenisches Rechtsbuch», кн. I, § 118, стр. 172; Смбат Спарапет. Судебник, 149, стр. 134.

ской Армении совсем не соответствовали варианты составленного в Великой Армении свода, утверждавшего личную свободу зависимого крестьянина. Вместе с тем термин парикос (от греческого *παρισχως*) показывает связь норм этого судебника с действительным положением византийских париков в Малой Азии, которые были крепостными. Характерно, что явление неполного закрепощения, по армянским законам, выступало в специфической армянской форме в виде отрицания возможности возвратить на прежнее место ближайших потомков бежавшего, тогда как по византийскому праву оно выражалось в традиционном сроке: 30-летняя давность побега делала беглеца свободным<sup>64</sup>.

Мелкие армянские феодалы могли не только судить зависевших от них крестьян, но и применять к ним телесные наказания, а также удалять их с места жительства. Однако крестьянин мог быть лишен своего надела и удален с него не иначе, как с согласия парона, вассалом которого являлся этот мелкий феодал<sup>65</sup>. Поскольку крестьянская масса Киликийской Армении была закрепощена, лишение крепостного его надела скорее всего предполагает его перевод в какое-то другое место. В таком случае содержащиеся в грамотах сведения соответствуют положениям «Судебника» Смбата Спарапета.

Вместе с тем в армянской Киликии, очевидно, сохранялись и незакрепощенные крестьяне, оставшиеся лично свободными. «Судебник» Смбата Спарапета предусматривал строительство новой деревни, которую, по-видимому, должны были заселить общинники в соответствии с узаконенной иерархией и, разумеется, лишь после того, как установлены владения церкви и старейшин<sup>66</sup>.

О сохранении в Киликийской Армении незакрепощенных, лично свободных крестьян свидетельствует терминология среднеармянского перевода «Антиохийских ассиз», свода законов Антиохийского княжества, получившего некоторое распространение и в армянском королевстве<sup>67</sup>. Крестьянин, выплачивавший феодалам чинши обозначается в этом своде термином *չաշիւփր*<sup>68</sup>. Слово *չաշիւ* на киликийском диалекте среднеармянского языка означает «арендованная земля»<sup>69</sup>, и, следовательно, приведенный термин имеет значение съемщик (или арендатор), как его

<sup>64</sup> П е т р з, IV, 2, 3; см. Zacharia von Lingenthal, Geschichte des griechisch-römischen Rechts, Berlin, 1892, стр. 260; В. Васильевский, Материалы для внутренней истории византийского государства, ЖМНП, ч. ССII, 1879, стр. 162.

<sup>65</sup> См. «Armenisches Rechtsbuch», кн. I, § 70, стр. 105; См бат С пар ап е т. Судебник, 76, стр. 83; Г. Г. Микаелян. Цит. работа, стр. 271.

<sup>66</sup> См. «Armenisches Rechtsbuch», кн. I, § 148, стр. 191; См бат С пар ап е т. Судебник, 176, стр. 151.

<sup>67</sup> О действии этого свода в армянском королевстве свидетельствует версия А. Кюрдяна, которая, по-видимому, была приспособлена для общественных отношений в Киликии (см. *Հարսիքի և Քյուրտիանի*, указ. соч., стр. 17 и сл.; русский перевод: «Քանիք մատենադարանի», 1958, № 4, стр. 371 и сл.

<sup>68</sup> «Աշիւք Անտիոքի», զուր ԺԶ, ԺԷ.

<sup>69</sup> См. там же, զուր ԺԷ, стр. 41.

и переводили Л. Алишан (на французский язык—fermier) и А. Паповян (на русский)<sup>70</sup>.

В законах имеется указание на то, что высшему вассалу не следует накладывать руку на арендованную землю или на арендатора<sup>71</sup>, но подобное положение в отношении крепостного находилось бы в противоречии с правами сеньера на не принадлежавшую крепостному землю и на личность последнего. Арендатор, по всей очевидности, был лично свободным крестьянином-чиншевиком, выплачивавшим феодальную ренту одному или нескольким феодалам. Именно поэтому для обозначения этого крестьянина не подходил термин շինական<sup>72</sup>, обозначавший (согласно различным спискам судебного Мхитара Гоша) как крепостного, так и лично свободного земледельца, и поэтому переводчик не использовал это слово при переводе антиохийских законов на среднеармянский язык.

Арендаторы, о которых идет речь в «Антиохийских ассизах», зависели от нескольких сеньеров; долгосрочная аренда совмещалась с менее продолжительной. Интересы феодалов сталкивались при получении поступавшего им чинша, им угрожало неповиновение и сопротивление арендатора, и законы регулировали порядок присвоения феодальной ренты<sup>73</sup>. Вполне вероятно, что соответствующие главы антиохийского свода законов были вполне применимы к положению арендаторов в Киликийской Армении.

Феодалы продолжали наступать на свободу незакрепощенных крестьян. Развитые товарно-денежные отношения восточного Средиземноморья и иностранный спрос на сельскохозяйственные продукты побуждали их к увеличению податей и повинностей крепостных, которые возросли еще больше в период монгольского господства. Недовольство крестьян феодальным гнетом и сопротивление ему находили выражение в ересях<sup>74</sup> и вооруженных выступлениях<sup>75</sup>. Борьба армянских крестьян против феодального господства смыкалась с восстаниями, сотрясавшими сельджукский султанат. В ходе крестьянской войны, продолжавшейся с 1276 по 1278 гг., в которой повстанцев возглавлял Джирми, восстание распространилось и на армянские области<sup>76</sup>. Периодически

<sup>70</sup> См. там же, стр. 40 и русский перевод свода антиохийских законов, гл. XVI, XII, стр. 351.

<sup>71</sup> «Մի թողու որ մեկնէ գիր ձեռն կապան կամ 'ի կապլվորն» («Անտիդ Անտիոքայ», գլ. ԺԵ, стр. 41).

<sup>72</sup> «Շինական» в значении «крепостной» (см. «Armenisches Rechtsbuch», кн. I, § 70, стр. 105; С м б а т С п а р а п е т. Судебник, 76, стр. 83, 198, 168). Известную двойственность в своем значении этот термин, по-видимому, сохранял и в Киликийской Армении (см. «Armenisches Rechtsbuch», кн. I, стр. 148, 190—191; С м б а т С п а р а п е т. Судебник, 176, стр. 151), однако отмеченное выше значение, несомненно, господствовало.

<sup>73</sup> См. «Անտիդ Անտիոքայ», գլ. ԺԶ, ԺԸ, стр. 41.

<sup>74</sup> См. Г. Г. Микаелян. Цит. работа, стр. 41, 220 и сл.

<sup>75</sup> „Die Seltsschukengeschichte des Ibn Bibi“, Kopenhagen, 1959, стр. 308.

<sup>76</sup> См. там же, стр. 316, 318.

возобновлявшаяся опасность восстаний, угрожавшая армянским паронам из сельджукского султаната, восстаний, которые в любой момент могли перекинуться и в Армению, по-видимому, противодействовала побуждениям феодалов увеличивать подати и повинности крестьян.

\* \* \*

В заключение нужно отметить значительную роль традиций Великой Армении в крестьянских податях и повинностях Киликийской Армении. «Судебник» Смбата Спарапета дает основание предполагать, что в армянской Киликии денежная и отработочная рента возросла за счет сокращения продуктовой. Государственный налог, совпадавший в «Армянском судебнике» Мхитара Гоша с феодальной рентой, в своде законов Смбата Спарапета превратился в эту последнюю, взимавшуюся в качестве областной подати местными паронами. При этом феодальная рента сохраняла некоторые характерные признаки государственного налога.

Масса крестьянства была закрепошена. Об этом свидетельствуют как сохранившиеся грамоты, так и «Судебник» Смбата Спарапета. Вместе с тем сопоставление различных списков сводов законов Мхитара Гоша и Смбата Спарапета показывает, что совмещение личной свободы и закрепощения крестьян в Великой Армении сменилось господством крепостной зависимости в армянской Киликии.

Проникновение в Киликийскую Армению западноевропейских обычаев, наряду с византийским и турецко-монгольским влиянием, усложнило характер феодальных отношений, привнося элементы, не соответствовавшие условиям социально-экономических отношений в Малой Азии и на Востоке вообще, чем подрывались основы традиционных норм армянского права и углублялись противоречия, характерные для феодальной Киликийской Армении.

ՀԱՂԱՅԻՆ ՀԱՐԱՔԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԵՎ ԳՅՈՒՂԱՅԻՈՒԹՅԱՆ ՎԻՃԱԿԻ  
ՄԻ ՔԱՆԻ ՀԱՐՑԵՐ  
XII—XIII ԴԱՐԵՐԻ ԿԻԼԻԿՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

Գ. Ա. ԴՄԻՏՐԻԵՎ (Լենինգրադ)

(Ա մ փ ո փ ո լ մ)

Հոդվածում քննված են ուսումնասիրվող թեմային վերաբերող սկզբնաղբյուրները: Հայկական դատաստանագրքերը, մատնանշվում է դատաստանագրքերի վկայությունների նկատմամբ քննադատական մոտեցման և այլ աղբյուրների տվյալներով դրանց ստուգման անհրաժեշտությունը: Քննադատական որոշ դիտողություններ են արվում XII—XIII դդ. Կիլիկյան Հայաստանի հողային հարաբերությունների ուսումնասիրման վիճակի մասին:

Ֆեոդալիզմը Կիլիկյան Հայաստանում բարդ և յուրօրինակ կառուցվածք ուներ: Կայվածառար-ֆրանկները և Արևմուտքի հոգևոր-ասպետական օրդենները, ներթափանցելով Կիլիկիա, իրենց հետ բերում էին արևմտանվրոպական ֆեոդալիզմի սեփականատիրական հարաբերությունները: Զրոգտագործման հին հայկական իրավունքը, որ հարմարեցված էր արևելյան ֆեոդալիզմին, փոխարինվում էր արևմտանվրոպականով, և դա քայքայում էր երկրի գյուղատնտեսությունը:

Հայ թաղավորների հրովարտակաները վկայում են, որ Կիլիկիայում գյուղացիությունը ճորտական կախման մեջ էր, այդ բանը հաստատում է նաև Սմբատ Սպարապետի «Դատաստանագիրքը»: Ճորտական կախման և ազատ գյուղացիության համատեղումը, որ առկա էր Մեծ Հայքում, Կիլիկյան Հայաստանում փոխարինվել էր ճորտատիրության լիակատար տիրապետությամբ: Մեծ Հայքում տիրող հարկ-ռենտան վեր էր ածվել ֆեոդալական ռենտայի, որի մեջ սլահականվում էին պետական հարկահանության որոշ առանձնահատկություններ: Մոնղոլների սահմանած հարկերը չէին համապատասխանում Կիլիկյան Հայաստանի ֆեոդալիզմի սոցիալ-տնտեսական հարաբերություններին, որոնցով պայմանավորված էր ֆեոդալական ռենտայի գանձումը: Միաժամանակ ազատ գյուղացիներից սենյորները չինչ էին ստանում: Հայկական գյուղատնտեսական մթերքների արտասահմանյան պահանջարկը ստիպում էր ֆեոդալներին ավելացնել հարկերն ու պարհակները: Սակայն գյուղացիական խռովությունները Կիլիկյան Հայաստանում կապված էին սելջուկյան սուլթանության սահմաններում տեղի ունեցող գյուղացիական պատերազմների հետ, և այս հանգամանքը հարկադրում էր ֆեոդալներին զսպել գյուղացիների հարկերն ու պարհակներն ավելացնելու իրենց ձգտումը:

Արևմտանվրոպական, թուրքական, մոնղոլական և այլ ֆեոդալական հարաբերությունների ներթափանցումը Կիլիկիա՝ հանգեցնում էր երկրի ֆեոդալիզմի անկմանը: Ու թեև Կիլիկյան Հայաստանում հնարավոր էր ֆեոդալիզմի վարդապետը տեղական, ազգային հիմքի վրա, սակայն դա տեղի չունեցավ գլխավորապես արտաքին հանգամանքների պատճառով: